

ЗУРАБ СОТКИЛАВА: У РУССКОГО ТЕАТРА НЕ ТАК МНОГО ОПЕРНЫХ ШЕДЕВРОВ, ЧТОБЫ ИМИ БРОСАТЬСЯ

Народный артист СССР, профессор, лауреат Государственной премии Республики Грузия, кавалер ордена Чести Зураб Соткилава – уникальный певец. Его проникновенный лирико-драматический тенор звучит на лучших сценах мира более 40 лет. Уже три десятилетия жизнь и творчество Соткилавы тесно связаны с Большим театром. Последние спектакли Большого – «Набукко» Дж. Верди, «Хованщина» Мусоргского – еще раз показали неувядающую красоту его голоса. Зураб Лаврентьевич в постоянном творческом поиске. Недавно он дебютировал с эстрадной композицией на сцене зала «Россия», исполнив замечательный романс на стихи Ларисы Рубальской «Коварство и любовь», а 5 сентября в Рахманиновском зале Московской консерватории состоится его большой сольный концерт.

– Зураб Лаврентьевич, наверное, приятно ощущать, что годы не «давят» на голос?

– Как певец я своих 66 лет не чувствую. Хотя здоровье иногда подводит. Для меня самое большое испытание – выступать нездоровым. Не потому, что тяжело, – я боюсь разочаровать зрителей. Ведь мы, настоящие оперные певцы, никогда не поем под фонограмму. Вот недавно я выступал на эстрадном концерте в зале «Россия», надо мной смеялись артисты, когда я стал распеваться перед выходом. А я смею сейчас над тем, что мне 66. Всегда в обществе своих друзей я был моложе всех, и теперь вдруг ощущаю, что старше. Я не согласен со строками из песни: «Мои года – мое богатство...». Мой опыт – вот мое богатство, а не годы.

– Тенор – это молодая романтика. В чем же секрет долголетия вашего голоса?

– Это уникальная техника пения, которую мне передали мои великие учителя. Мой педагог Давид Онхуладзе говорил: «Зура, ты раньше умрешь физически, а потом умрет твой голос, благодаря технической фурберии». Голос Бог дает до 35 лет. Дальше, если не выучишься технике, Бог у тебя голос отнимет. Я тенор спинтовый – от итальянского «крепкий». Чем больше металла в голосе, тем он драматичней. Но я очень редко «драматизируюсь», потому что это убивает тенора. Когда ты спел в

спектакле первую ноту, ты должен понимать, что через три часа нужно будет взять такую же ноту так же свежо и красиво. Поэтому оперный певец это еще и расчетливый бухгалтер.

– А как все начиналось?

– Родился я в Сухуми. Истоки моего творчества – в талантливости грузинского народа с его высокой одухотворенностью и поэтичностью, тонкой музыкальностью и поющей душой. Мне кажется, что грузинский народ – самый певчий, у нас поют все от мала до велика.

В юности я готовился к профессии горного инженера, окончил Тбилисский политехнический институт. Но два обстоятельства круто изменили мою судьбу. Первое – то, что у меня был красивый сильный голос, привлекавший всеобщее внимание. Второе – гастроли итальянского тенора Марио дель Монако в Большом театре. Выступление выдающегося певца в опере «Кармен», которое я услышал по трансляции, потрясло меня и вызвало горячее желание последовать совету профессора Николая Бокучавы серьезно заняться пением.

– У вас есть претензии к современным оперным спектаклям?

– Русская опера сейчас требует очень бережного отношения. А сегодняшние экспериментаторы-постановщики убивают само искусство оперы. Я с самого начала

был против новых постановок «Хованщины», «Бориса Годунова». У русского театра не так много оперных шедевров, чтобы ими бросаться. Всего пять-шесть мировых оперных шедевров русских композиторов! Мусоргский просил, чтобы его фамилию произносили с ударением на «о», не от слова «мусор», а от греческого «мусорг» – творец, создатель. А по сей день не только коверкают его фамилию, но и издеваются над его операми. У него музыка со словами в идеальной гармонии. Когда я слушаю Мусоргского, я чувствую запах России, а у новых постановок русских опер этого запаха нет. Пусть новые режиссеры поставят так, чтобы от их постановок веяло русским духом, как от постановок Бориса Покровского. Тогда я скажу – вы гении!

– Молодые певцы вам «дышат в затылок»?

– Дыхания в затылок не чувствую. Никто не подгоняет и даже не догоняет. Я знаю свое время, поэтому уйду со сцены в нужный момент и уступлю дорогу молодым талантам.

– А они есть?

– В музыкальном искусстве существует определенная цикличность. Она выражается в том, что каждые 20-25 лет появляется новое поколение выдающихся певцов. Можно исторически проследить с самого начала двадцатого века: первое поколение – Шаляпин, Смирнов, Сибиряков; второе

– Лемешев, Козловский, Собинов; третье – мое поколение: Образцова, Атлантов, Нестеренко, Мазурок, Архипова, Касрашвили, Калинина, я тоже ничего. Мое поколение немного задержалось на сцене, так как некому пока уступить. Есть интересные голоса, но они не обработаны. Сегодняшним молодым певцам очень не хватает культуры пения, у многих ее просто нет. Поэтому нет настоящих звезд.

– Вот уже несколько лет гремит на всю страну имя вашего молодого коллеги, солиста Большого театра Николая Баскова...

– Да, действительно, очень талантливый и добрый парень. Но в самом первом спектакле «Евгений Онегин» три года назад Ленского он спел гораздо лучше и с точки зрения вокала, и с точки зрения актерского мастерства, чем во все последующие. В нем был какой-то неподдельный трепет, чувственность, свежесть восприятия. Эстрада, пение в микрофон – это совсем иная подача звука, к которой быстро привыкаешь, и потом очень трудно перестраиваться в нужный момент на пение в акустическом зале. А вообще, чтобы хорошо петь, нужно очень много работать над своим голосом. Если Бог даст Коле талантливого педагога, с которым он будет заниматься постоянно, то, я думаю, у него все получится и с оперной карьерой.

Беседовал
Владимир ПЕТИЕВ

Рез. мюз. – 2003 – 4 сент. – с. 26